

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3

DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М. Валеева.	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодер.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае.	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.).	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klapproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962).	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

Ю. Г. Благодер
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»

DOI: 10.48612/IVRRAN/9u88-r1n9-rd2x

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗНАНИЙ О КИТАЕ (XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. В статье представлены фрагменты истории изучения Китая в Российской империи в XIX — начале XX вв. Автор называет первые образовательные учреждения и научно-просветительские организации, которые сыграли существенную роль в разработке методики преподавания китайского языка, распространении знаний об истории и культуре народов, проживавших на территории империи Цин. Обобщен практический опыт научной работы преподавателей, студентов, слушателей Восточного института в г. Владивосток, их деятельности по сбору и систематизации разнообразных характеристик жизни отдельных регионов Китая, повлиявшей на развитие российско-китайских социально-экономических отношений. Отмечен выдающийся вклад российских ученых в развитие китаеведения, пропаганду современных научных достижений отечественного востоковедения. Особое внимание уделено научной и просветительской деятельности Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Н. В. Кюнера. Основное содержание исследования составляет анализ опубликованной в XIX — начале XX в. в России научной литературы (отечественной и переводной: с европейских языков), отечественных печатных периодических изданий, в которых содержалась информация о Китае. Выделены различные направления социально-политической мысли, представители которых давали диаметрально противоположные характеристики центральных проблем социального развития государств Востока и формировали в сознании общественности два принципиально различных образа Китая. Большое внимание уделено характеристике российской публицистики, в которой нашли отражение размышления представителей российской исторической науки, религиозно-философской

мысли о принципах развития западной и восточной цивилизации, месте России в мировом сообществе. Дана оценка факторам, влиявшим на формирование и трансформацию образа Китая в сознании российского дореволюционного общества.

В конце XIX — начале XX вв. китаеведение привлекает внимание не только специалистов узких научных направлений. Оно находит своих сторонников в сфере дворянской и разночинной интеллигенции и получает все большую поддержку общественных просветительских объединений (Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское археологическое общество, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом, этнографическом отношении, Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, Императорское Русское общество востоковедов и др.), научных организаций (Императорская Академия наук) и образовательных учреждений (восточные отделения и курсы в университетах, специальные классы восточных языков в институтах, провинциальные школы переводчиков), а также Министерства иностранных дел.

Специфику развития государственности, политических традиций и учений России во многом определяло ее «срединное» положение между двумя основными цивилизациями: Западной («либеральной») и Восточной («традиционной»). Проблемы отношения государства к Европе и Азии занимали важное место в российской гуманитарной науке. Неудивительно, что поиск внутренних нравственных начал в цивилизационных основах Запада и Востока был характерен для общественной мысли конца XIX — начала XX вв. В работах представителей русской религиозно-философской мысли В. С. Соловьева, И. В. Киреевского, Л. П. Карсавина, П. А. Флоренского находим «размышления о множественности и несходстве культур, о Западе и Востоке, а также о вопросах общественной справедливости и внутреннего достоинства человека, которые, по-разному варьируясь в разных культурах, образуют, тем не менее,

основной духовный стержень всечеловеческой истории»¹. В связи с этим проблематика отечественной публицистики становилась немаловажной предпосылкой для осмысления восточных цивилизаций. Через познание истории других стран, в том числе и Китая, определялись роль и место России в мировом сообществе. К обсуждению этих тем подключались и далекие от научного китаеведения представители историко-философского направления.

Поляризация мнений российских китаеведов внесла раскол в среду философов и общественных деятелей. В конце XIX в. появились различные направления политической мысли, представители которых давали диаметрально противоположные характеристики центральных проблем социального развития и формировали в сознании общественности два принципиально различных образа Китая. Одни ужасались отсталости политического и военного развития дальневосточного соседа, оценивая его достижения с позиции европоцентризма², другие восхищались величием империи, силой ее неординарных традиций и предвещали знаменательные перемены. Олицетворением первого, «имперского» подхода стал географ Н. М. Пржевальский, а иного — востоковед Э. Э. Ухтомский. Их противоположные по многим параметрам взгляды имели глубокие корни в отечественной культуре.

Не последнюю роль в формировании представлений о восточном образе жизни играли складывавшиеся не одно десятилетие, и потому уже ставшие привычными, эмоционально

---

¹ Рашковский Е. Б. Запад, Россия, Восток: востоковедные темы в трудах русских религиозных философов // Азия и Африка сегодня. 1990. № 9. С. 57.

² Подробнее см: Венюков М. И. Китайские военные учреждения в Тяньцзине // Русский инвалид. 1872. № 250; Венюков М. И. О вооруженных силах Японии и Китая // Военный сборник. 1876. № 5. С. 79–100; Венюков М. И. Китайский военный флот // Восточное обозрение. 1883. № 22. С. 1–15; К-ов. Китай, его силы и политика // Колосья. 1884. № 2; Михайловский Н. Китайские дела // Русское богатство. 1900. № 7; Недзвецкий В. Военное положение Китая // Военный сборник. 1900. № 8.

окрашенные предвзятые установки. «С китайством... у нас невольно связывается понятие о чем-то закоснелом и неподвижном. А между тем деятельная и подвижная жизнь, без сомнения, кипела и в этом народе в продолжении многих веков, прежде чем он достиг той степени развития, на которой окаменел»³. Утверждения, подобные этому, присутствовали во множестве литературных и учебных изданий, предназначенных разновозрастной читательской аудитории: «с этим убеждением мы вступаем в жизнь и в нем укрепляемся путем чтения книг, разговоров с людьми, нас окружающих», поэтому формулу «Китай — царство застоя» всякий принимает как неоспоримую»⁴. По мнению С. М. Георгиевского, слепое доверие к словам некоторых ученых, снискавших известность своими специальными трудами в области синологии, привело к закреплению негативной оценки принципов жизни страны. Большинство обывателей даже не стремятся понять, почему Китай считают царством «застоя».

Российской академической наукой не приветствовался односторонний подход некоторых западных коллег, трактующих самобытные традиции и ценностные установки других народов исключительно в патриархально-религиозном духе. Н. Я. Данилевский критиковал «европоцентризм» в анализе азиатских культур, наложивший печать «застоя» и «косности» на восприятие восточного образа жизни. Философ отмечал, что Китай многие столетия демонстрировал небывалые достижения в различных сферах жизнедеятельности: «технологические способы в легкой промышленности, окрашивание тканей, лаковые изделия, фарфор, секреты земледелия, ландшафтное садоводство, порох, книгопечатание, компас, писчая бумага, фармацевтика, в области духовной — космология, этика, фи-

³ Кольб Г. Ф. История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов / Под. ред. А. А. Рейнольда. Киев: Южно-русское издательство Ф. А. Иогансона. 1897. С. 73.

⁴ Георгиевский С. Важность изучения Китая. СПб.: Тип. Скороходова, 1890. С. 1.

лософия. Многое из всего этого было перенято европейскими народами, и они успешно пользовались этими плодами китайской цивилизации». В культурном существовании народов присутствует преемственность, которая «придает истории более прогрессивный вид на Западе, чем на Востоке, а не какое-либо особенное свойство духа, которое давало бы западным народам монополию исторического движения»⁵. Следовательно, как прогресс, так и замедление темпа развития могут заявлять о себе в различных цивилизационных системах.

В первой половине XIX столетия отечественное востоковедение добилось значительных успехов, но политические и социальные преобразования в самой России вносили свои коррективы в деятельность ученых и педагогов. Консервативные изменения, затронувшие российское общество в конце XIX в., сказались и на развитии науки. Китаеведная система образования развивалась медленно. Несмотря на это, сотрудниками высших учебных заведений практиковалось чтение публичных лекций по истории китайской цивилизации и отдельным направлениям восточной культуры. Результаты исследований публиковались как отдельными изданиями, так и на страницах периодической печати. Последние были нацелены на широкий круг читателей и давали возможность удовлетворить любознательность, расширить область знания о Востоке и национальном характере его жителей.

Продолжал педагогическую китаеведную практику Санкт-Петербургский университет. Сдержанно оценивал подготовку китаеведов во второй половине XIX в. выпускник этого учебного заведения по китайско-маньчжурско-монгольскому отделению П. П. Шмидт. «Все языковеды-профессоры побывали в Азии и хорошо знали азиатские народы, — писал он, — но среди них не было ни одного настоящего языковеда, также как и этнографа»⁶.

---

⁵ Фунтусов В. С. Восточные интенции русской религиозно-философской мысли: в поисках чаемого единства. URL: www.sophos.wl.dvgu.ru/files/library/22/5.Doc (дата обращения 18.10.2013).

⁶ Стабурова Е. Ю. Китаеведение в «Моей биографии» П. П. Шмидта // Кюнеровские чтения (1998–2000 гг.): краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 203.

Критикуя наставников⁷, исследователь отмечал, что главным недостатком учебного процесса было освоение языка без глубокого изучения культуры и бытового уклада его носителей. Все же, по мнению большинства китаеведов того времени, ярким исключением можно считать профессора В. П. Васильева, научные интересы которого были широки и многогранны. Знание китайского, маньчжурского, тибетского, монгольского языков позволило не только изучать первоисточники, но и во время путешествия по Китаю общаться с местными жителями. Он оставил значительный след в изучении распространенных в Китае религиозных форм, китайской и маньчжурской литературы, истории Срединной империи и ее взаимодействия с другими государствами⁸. В. П. Васильев был искренне обеспокоен скудостью

---

⁷ Профессор В. П. Васильев «китайскому языку учил безо всякой системы и не давал хода ни одной статье про китайскую грамматику». Профессор китайского языка С. М. Георгиевский «учил абсолютно по своему разумению. Он был убежден в том, что все ему известные языки находятся во временном родстве», а Китай представляет собой идеальное государство (*Стабурова Е. Ю.* Китаеведение в «Моей биографии» П. П. Шмидта // Кюнеровские чтения (1998–2000 гг.): краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 204).

⁸ Подробнее см: СПбФ АРАН. Ф. 775. Васильев В. П., академик, филолог, китаевед, буддолог. Оп. 1. Рукописи трудов, дневники, черновики писем В. П. Васильева, письма к нему. № 6. Этюды по буддийской догматике. Переписано А. О. Ивановским. Л. 1–449; № 7. Переводы с китайского и тибетского позднейших философско-догматических трактатов Бо-Лунь. Л. 1–204; № 32. О значении Востока и Китая в особенности. Вступительная лекция, читанная 1 декабря 1850 г. Л. 1–46; № 102. О сношениях России с Китаем. Л. 1–8; № 122. Взаимные посольства и переписка (XVI–XVIII вв.). Л. 1–33; № 150. Кульджа (из путевых заметок). Л. 1–2; № 176. Материалы по китаеведным работам. Л. 1–47; № 212. Пекинские дневники 1840–1850 гг. Пребывание в Пекине. Условия и ход его научной работы. Черновики писем к разным лицам. Л. 1–196; № 213. Различные записи о Китае (выписки из газет, краткие конспекты отдельных работ). Л. 1–28; № 217. Записки по разнообразным вопросам: «Общинное устройство, вопросы о Китае, о науке, преподавании». Заметки публицистического характера. Тетрадь. Л. 1–31.

представлений россиян о Китае, недоступностью для широких слоев населения информации, накопленной отечественными китаеводами. Различными средствами (преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, публикациями монографий и статей, выступлениями на международных конгрессах и заседаниях российских научно-просветительских организаций, проведением благотворительных публичных лекций) он пытался донести до сознания общественности те знания о Китае, которые были получены в ходе многолетней упорной работы.

Профессор Московского университета, признанный специалист по всеобщей истории Т. Н. Грановский, изучая Китай, использовал достижения российских китаеведов Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и труды западноевропейских философов. Не стоит забывать о том, что путешественники, посетившие Китай, в большей или меньшей степени впитывали красоту и своеобразие его мира и описывали увиденное, поддавшись эмоциям и личным переживаниям. Не имевшие счастливой возможности личного восприятия иной цивилизации историки опирались лишь на доводы рассудка, давая объяснение фактам и деталям, подмеченным другими. Недостаток информации зачастую приводил к произвольному толкованию китайских реалий. Разработанный Т. Н. Грановским курс всеобщей истории (первая глава посвящена Китаю) формировал представление о Китае как о государстве, изолированном, отстающем в социальном, политическом и экономическом развитии от ведущих европейских держав⁹. Профессор включил страноведческий и бытовой материал, выделил такие черты характера китайского народа как трудолюбие, любовь к родному очагу и преобладающее стремление к материальным целям, объясняя это природными условиями

---

⁹ Постоянно говоря о застое в развитии монархического Китая, ученый приводит примеры последствий этого явления: «китайцы изобрели порох, книгопечатание, компас, бумагу, но это крайне слабо отразилось на жизни китайского народа, в то время как завезенные в Европу, они привели к значительному изменению хода истории» (Грановский Т. Н. Сочинения. СПб., 1900. С. 354).

проживания. Т. Н. Грановский использовал исторические сюжеты о формировании удельной раздробленности, последующем объединении земель, установлении в Китае единовластия для сравнения с подобными явлениями, имевшими место в Европе и России. Это опровергало распространенное в XVIII–XIX вв. мнение об отсутствии единства процессов развития всемирной истории. Историк пишет о владычестве ученых в Китае, местных религиозных и этических учениях, служащих прославлению справедливости, добродетели, доброго согласия между людьми и заботы о ближнем. В рамках научной и педагогической деятельности, занимаясь изучением Китая в рамках всеобщей истории, исследователь распространял сведения о нем и в определенной степени формировал мнение своих соотечественников в либеральном ключе. Исторический материал об императорском Китае прозрачно, но вполне различимо, указывал и на проблемы Российской империи, а критика, направленная на дальневосточного соседа, во многом предназначалась для России.

Как и было ранее, территориальная близость к Цинской империи провоцировала оживление научной деятельности, а удаленность — в определенной степени ослабляла творческий интерес. Подтверждение тому находим в сравнительной характеристике различных регионов. Активизация дальневосточной политики в конце XIX — начале XX вв. повлекла за собой позитивные перемены: «в 1899 г. был создан Восточный институт в г. Владивосток, где изучались география, история, основы права, товароведение, счетоводство, а также английский, французский, китайский и профильный (в зависимости от отделения японский, корейский, монгольский, маньчжурский) языки. В 1900 г. Восточный институт открыл вечерние курсы по предметам, входящим в состав основного преподавания. Целью было «сообщение систематических знаний по английскому и китайскому языкам, географии и этнографии Китая с общим обзором политического устройства и религиозного быта, политической экономии»¹⁰. Исследователи

---

¹⁰ Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке на 1909 г. Владивосток, 1909. С. 17.

Владивостока серьезно подходили к изучению Китая. В библиотеке Восточного института в 1901 г. насчитывалось более 500 изданий на русском и европейских языках, среди которых можно найти исторические, географические, этнографические труды, атласы и карты. Это образовательное учреждение было в более выгодном положении, чем столичный университет и московский Лазаревский институт, так как рядом проживали носители китайского языка, истории и культуры. В Восточном институте в 1902–1903 гг. преподавал выдающийся востоковед, доктор исторических наук, профессор Н. В. Кюннер. Внимание ученого было сосредоточено на самых разнообразных аспектах жизни китайцев. Он являлся автором серьезных этнографических, культурологических и исторических исследований Китая, составителем описаний бытового уклада различных народов, проживающих на территории Цинской империи¹¹, этических, эстетических и религиозных основ их духовной культуры¹², очерков истории местной политической и образовательной системы¹³. Позже материалы прочитанных им лекций по экономической географии Китая, а также другие труды вышли отдельными изданиями¹⁴.

Журнал «Известия Восточного института» знакомил читателя с основами китайского языка и образцами маньчжурской

---

¹¹ Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. «Китайцы». Статья. Л. 1–153; Д. 26. О народностях Китая. [1904–1927]. Л. 1–4.

¹² Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. О конфуцианстве в Китае в историческом развитии [1901–1933]. Л. 1–96; Д. 23. «Краткая история китайского искусства». [1909–1934]. Л. 1–42; Д. 25. «Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке». С текста 1910 г. Лекции. Л. 1–206; Д. 57. О сектанстве и религиозных преследованиях в Китае. [1904–1927]. Л. 1–13.

¹³ Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 79. О политической истории Китая. [1916–1921]. Л. 1–26; Д. 17. Об истории китайского образования [1901–1924]. Л. 1–24; Д. 81. Об истории народного образования в Китае. [1917–1921]. Л. 1–38.

¹⁴ Кюннер Н. В. Экономическая география Китая. Лекции, читанные в Восточном институте в 1902–1903 гг. Владивосток, 1903.

литературы¹⁵. Наряду с незатейливыми по содержанию познавательными статьями, рассчитанными на широкую читательскую аудиторию, в этом периодическом издании можно встретить и серьезные аналитические материалы. К ним следует отнести серию научных работ, делающих попытку осмыслить обстоятельства, побудившие тысячи китайцев принять путь радикальных изменений, как единственно возможный для искоренения в кратчайший промежуток времени злоупотреблений и преобразования всех структур административной системы.

Благодаря содержащемуся в каждом выпуске «Известий Восточного института» разделу «Современная летопись Дальнего Востока», российский читатель мог следить за текущими событиями, ходом военных действий, предпринимаемых цинским правительством против армий иностранных держав, деятельностью христианских миссионеров, чиновников и членов императорской семьи. Здесь освещались наиболее яркие и значимые события, происходившие в отдельных провинциях Китая, а также сопредельных государствах (Японии, Монголии). Не только познавательную, но и научную ценность данному журналу придавали опубликованные в нем тексты договоров (дипломатических и коммерческих) между правительствами Цинской империи, европейскими державами и Россией, а также комментарии к статьям китайского уголовного права.

Издательская коллегия давала возможность начинающим молодым исследователям вынести на суд общественности свои изыскания. К примеру, слушатель второго курса Восточного института В. Надаров представил материалы по изучению географического положения, климата, истории порта Ханькоу,

---

¹⁵ Шмидт П.П. Начальные чтения по китайскому языку // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1, 1902. Т. 3. Вып. 2, 1902. Т. 3. Вып. 3; Позднеев А. Монголо-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1; Позднеев А. Опыт собрания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1; 1902. Т. 3. Вып. 2; 1902. Т. 3. Вып. 3; 1902. Т. 3. Вып. 4; 1902. Т. 3. Вып. 5; 1903. Т. 4; 1903; Т. 5; 1903. Т. 7; 1903. Т. 9.

расположенного в центре пересечения важных торговых путей на востоке Центрального Китая. Студент А. Церерин опубликовал результаты своей поездки по Хуланьчэнскому округу, отразив не только личные впечатления, но и наблюдения европейских миссионеров. Его очерк наполнен фактами, свидетельствующими о том, что в новое столетие Китай вступил с грузом неразрешенных проблем, в той или иной степени затронувших жизнь всех его провинций. Хуланьчэнский округ тяжело переживал последствия экономической нестабильности: монополизация фирмами хлебной торговли провоцировала рост цен и голод, мирные жители подвергались тяжелому налоговому гнету и нападениям многочисленных групп хунхузов. Многие крестьяне выживали лишь за счет средств от продажи опиума. Автор знакомил читателя и с переводами китайской литературы, рассказывающей о славной истории заселения и развития этих земель, контрастирующей с мрачными картинами современности.

Студент К. Дмитриев, в отличие от многих своих сокурсников, описывал красоты китайских пещер и храмов, рассказывал легенды о древних городах, развалины которых скрывали многовековые тайны. Тем не менее, в его отчете Китай представлял не загадочным восточным миром, а серьезным экономическим партнером, торговые отношения с которым могли бы принести немало выгод. Азиатские купцы желали развернуть широкий торг, выставив на продажу как хорошо известные россиянам зерновые и бобовые культуры, так и редкие товары: индиго, шелк, табак, женьшень, бумагу из бамбука, местные фрукты, морскую соль и т.д. Представленные в отчете тарифы таможи на предметы ввоза и вывоза за 1900–1902 гг. были не только показателем экономического развития китайского региона, но и подсказкой сметливому российскому купечеству.

Студент П. Сивяков знакомил российского читателя с Шаньдунской провинцией и портовым городом Чифу, где царила строгая иерархия административных структур управления. Мужское население отличалось высоким уровнем грамотности, особенно выделялись представители местной интеллигенции: чиновники, ученые, мандарины. Несмотря на успешно развивавшиеся сель-

ское хозяйство и промышленность, многие жители по-прежнему занимались традиционными ремеслами. В стремительно растущих городах наиболее востребован был труд столяров, кузнецов, каменщиков, портных и ювелиров. Плотность населения здесь невероятно высока. На многолюдных улицах Чифу помимо спешащих по служебным делам или за покупками горожан можно было встретить купцов и разносчиков товаров, лоцманов и солдат, художников и артистов, а также просящих подаяние нищих. Удобное расположение китайских прибрежных поселений привлекало иностранцев. В гавани рядом со множеством китайских джонок и лодок находили место иностранные пароходы. Район оказывался в эпицентре всех важных событий, происходивших в империи. Это происходило благодаря системе шлюзов императорского канала (главной государственной водной артерии), а также еще большему усилению европейской торговли деловой активности в коренных жителях. Если студент П. Сивяков видел в характере последних услужливость и трудолюбие, хитрость и лукавство, коварство и злопамятность, то слушатель курсов Восточного института штабс-капитан К. Теренин-Рыбников упрекал местных чиновников в корыстолюбии и подчеркивал в характере торговцев честность, добросовестность и предупредительность. В глазах начинающих российских исследователей архитектурная красота и утонченное внутреннее убранство культовых сооружений, их многочисленность не являлись подтверждением того, что духовная составляющая играла большую роль в жизни общества. Оба автора выразили единодушие в оценке прагматичности мировоззрения китайцев и маньчжур.

Любопытное бытописание Цицикарской провинции (провинция Хэйлунцзян в северо-восточной части Китая, часть территории Маньчжурии) представляет собой очерк слушателя П. В. Шкуркина. За три месяца, проведенных в Хуланчэне, исследователь неоднократно слышал рассказы о происхождении правящей династии Цин и ее связи с северными землями империи. Несмотря на ухудшение экономического положения, рабства здесь нет, а среди населения много людей среднего достатка, занимающихся заселением и обработкой пустынных

земель, ремесленным производством и торговлей. Маньчжуры до такой степени слились с китайцами, что с первого взгляда их ничем нельзя отличить, но «стоит подольше прожить среди них, — отмечает автор, — приглядеться к их обстановке, быту, как разница между двумя народностями выступает довольно рельефно»¹⁶. Маньчжурский язык во многих поселениях почти забыт, а сами маньчжуры, в отличие от китайцев, малограмотны. Отношения между народами не отличаются дружелюбием. В ряде случаев поводом к конфронтации выступало поведение маньчжур, которые, пользуясь привилегиями, притесняли китайцев. Впрочем, большую часть населения объединяли социально-экономические проблемы и ненависть к правительству. Быт двух народов северных земель Цинской империи был одинаково прост, и лишь небольшие причудливые садики отличали китайские дома от маньчжурских. В религиозных представлениях царил синкретизм: даосские, буддийские, конфуцианские кумирни мирно соседствовали друг с другом. Отношение к русским было настолько доброжелательным, что в разговорах обывателей нередко можно было услышать пожелания вступить в российское подданство.

«Иной» Китай увидел на рудниках в Цзя-пи-гоу (так в тексте. — Ю.Б.) П. Тищенко. Он описал тяжелую жизнь золотоискателей, среди которых было много грубого и озлобленного «бродячего беспокойного люда»¹⁷. Здесь укрывались беглые преступники, сюда в поисках заработка стекались отчаявшиеся крестьяне, потерявшие по какой-либо причине дом и семью. Никогда ранее на страницах периодической печати образ Китая не наполнялся столь отталкивающими чертами примеров проявления жестокосердия и злобы.

Итак, отчетные работы студентов и слушателей Восточного института явились уникальными научными источниками информации о Китае, оказавшей серьезное влияние на формирование

---

¹⁶ Шкуркин П. В. Хулань-чэн // Известия Восточного института. 1902. Т. 3. Вып. 4. С. 28.

¹⁷ Тищенко П. Поездка в Цзя-пи-гоу // Известия Восточного института. 1903. Т. 6. С. 1–36.

представлений россиян об этой стране. Исследования были нацелены на сбор и систематизацию разнообразных характеристик жизни отдельных регионов Цинской империи. В результате, сформировалась богатая коллекция обзоров, выполняющих не только информационную функцию, но и имеющая прикладной характер в развитии российско-китайских социально-экономических отношений.

«Известия Восточного института» с успехом удовлетворяли вкусы любознательного читателя с помощью эссе культурологического характера. Член американского миссионерского общества в Китае А. Смит на страницах этого издания пытался раскрыть секрет волшебной притягательности китайской культуры и своеобразного китайского характера. Автор рисовал образ местных жителей, особо отмечая среди их качеств чувство собственного достоинства, желание и необходимость в любой ситуации «сохранять лицо», простоту и скромность в расходах. Не раскрывая объективных причин, влияющих на поведение китайцев, исследователь приводил примеры проявления различных качеств, к примеру, бережливости, в их характерах. По его наблюдениям, внимание торговцев было всегда сосредоточено на самых ничтожных предметах: «любой старьевщик мог указать точное число спичек в каждой коробке всех сортов»¹⁸. Ни один клочок бумаги из старых китайских счетных книг не пропадал даром: ими оклеивали окна, из них изготавливали фонари. Труды А. Смита, наполненные язвительными замечаниями в адрес местных жителей, не были исключительными. Приверженцы западной культуры часто акцентировали внимание на неординарных сторонах жизни Китая, не замечая при этом, что их собственные умозаключения порой бывали весьма причудливы. Так, видя, насколько в китайцах велика страсть к театру, американский миссионер высказал нелепое предположение, что китаец «думает театральными терминами». Как бы то ни было, публикации миссионера были весьма популярны в Европе.

---

¹⁸ Смит А. Характеристики Китая // Известия Восточного института. Владивосток. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 34–40.

О том, какое влияние оказали консерватизм китайской политической элиты, восстание ихэтуаней, вооруженные столкновения китайских войск с корпусом западных держав на образ жизни китайцев, можно судить как по статьям, специально освещающим политику государства, так и по очеркам, по содержанию далеким от указанной тематики. Этнограф А. Рудаков, описывая командировку профессора П. Шмидта и Н. Кюнера со студентами в Маньчжурию для ознакомления с библиотечным собранием, отмечал запустение и удручающее состояние самого дорогого сокровища китайской нации — книги. Более тридцати тысяч уникальных экземпляров¹⁹, «заботливо сокрыты вековой пылью, заволакивающей все своим однообразным серым покровом. Некоторые ящики рассохлись, книги вывалились и явились приютом сороконожек и скорпионов»²⁰. Памятники старины невосвратно гибнут, дворцы превращаются в развалины²¹, но «фаланги чиновников продолжают существовать и до сего дня, обирая народ и казну»²². Под этим «позорным бременем, а также вследствие интриг правительства Сына Неба, — делает вывод автор, — стонет целый Китай, раздираемый в потоках крови европейскими армиями»²³. Это объясняет желание китайцев «изгнать все иностранные товары из Китая и вернуть империю в ее первоначальное состояние замкнутости и самобытности»²⁴.

---

¹⁹ Рудаков А. Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1.

²⁰ Рудаков А. Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 18.

²¹ Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. «Охрана памятников старины в Китае». Статья. Лл. 1–20.

²² Рудаков А. Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 20.

²³ Рудаков А. Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 21.

²⁴ Ассоциация кулаков // Известия Восточного института. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 17–27.

Глубокое китаеведное образование в специализированных учреждениях в масштабах страны получали единицы, для более широких кругов российской общества были доступны общие сведения о Китае в рамках программы учебных заведений, которые, впрочем, ощущали сильное влияние государственной идеологической системы. Автор активно тиражируемого исследования о принципах развития всеобщей истории Г. Ф. Кольб считал, что наука в Китае не дает ничего нового и ограничивается изучением и истолкованием старины, а «изобретения, вызванные потребностью в высшей культуре, остались в том виде, как они были сделаны»²⁵. В череду представленных им завлекательных подробностей попадали и субъективные характеристики, отражающие реальность или не в полной мере, или же в искаженном виде. К примеру, отмечалось, что «для китайца идеалы и планы будущего, как бы они ни были чудесны, не существуют». Жизнь китайского общества малопривлекательна: «рабство тяготит все слои населения, ...поэзия изгнана, многоженство. Лишенный высоких, благородных стремлений народ демонстрирует высокомерную уверенность в том, что он составляет средоточие Вселенной, центральную нацию земли»²⁶.

Европоцентристский подход к характеристике исторических событий в Китае наиболее рельефно выделялся в работе Э. Лависса и А. Рамбо «Всеобщая история»²⁷. Уникальная культура династии Мин получила освещение лишь в контексте изучения деятельности европейцев в Китае. Не оставлены без внимания успехи португальцев (в частности, завладение ими Макао), распространение влияния голландских предпринимателей,

²⁵ Кольб Г. Ф. История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов. Киев, 1897. С. 73.

²⁶ Кольб Г. Ф. История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов. Киев, 1897. С. 73.

²⁷ Лависс Э. Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. 880 с.

английских и французских христианских миссионеров. Авторы подчеркивали, что становление этой династии «сопровождалось уничтожением христианских миссий, разорением европейских поселений. Китай снова стал придерживаться своих старых традиций: отдалил себя от остального мира такой преградой, которую разрушить могли только войны нашего столетия»²⁸. Традиционные религиозные устои оценены неоднозначно. Вызывающие уважение у местного населения конфуцианское, даосское и буддийское учения европейцы упрекали в излишней зависимости от суеверий и предрассудков. В основе принципов общественного устройства в первую очередь выделялась сыновняя преданность. Нравственные основы и личностное самосовершенствование являлись единственно возможным путем карьерного роста, так как лишь «трудом, искусством и терпением можно достигнуть высших должностей»²⁹. Познание иноземных культур требовало длительного и тесного общения, поэтому не вызывает удивление попытка многих авторов проследить истоки и основные вехи российско-китайских отношений: в учебных пособиях упоминались имена Ф. Байкова, С. Аблина, И. Идеса, а также воспроизводились тексты первых договоров.

Во втором томе «История человечества: Всемирная история»³⁰, вышедшем в свет в 1904 г., один из разделов посвящен Китаю. Начиная рассказ об этом государстве с кратких характеристик географических параметров, авторы-составители, делая ссылку на труды по геологии и физической географии Срединной империи известного немецкого исследователя Ф. Рихтгофена, заостряют внимание на вопросе о происхождении китайского народа. Текст наполнен историческими фрагментами и характеристиками

---

²⁸ Лависс Э. Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. С. 814.

²⁹ Лависс Э. Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. С. 819.

³⁰ История человечества: Всемирная история. Т. 2. Восточная Азия и Океания / Под ред. дра Г. Гельмольта. СПб.: Книгоиздат. Тво «Просвещение», 1904. 618 с.

культурной традиции древних китайцев, легендами и жизнеописаниями великих философов (к примеру, Конфуция, Лао-цзы и других). Изучая данную работу, читатель мог представить путь постепенного становления Китайской империи: исторические данные преподнесены здесь в системе династической хронологии. Здесь получает освещение не только специфика разнообразных религиозных направлений, но и степень влияния каждого из них на культуру общества. Особо выделяются строки, повествующие об истории распространения христианства (несторианское, римско-католическое вероисповедание): периоды активизации миссионерской деятельности, последующего упадка и нового «возрождения». В текст включены личностные характеристики не только легендарных людей прошлого, но и, что наиболее важно, влиятельных современников³¹. Благодаря этому информация воспринимается более свободно и позволяет в сознании читателей сформировать образ не только легендарного древнего, но и неокрашенного мифическим вымыслом современного Китая. Полнота и достоверность представленных картин китайской жизни с успехом достигалась введением картографического и иллюстративного материала³².

Несмотря на увиденные в тексте недостатки и преувеличения, Г. Е. Грумм-Гржимайло рекомендовал приобрести библиотекам средних учебных заведений книги Э. Гессе-Вартега³³. По мнению российского путешественника-географа, его труд «Китай и китайцы» позволит создать яркую картину жизни азиатского государства.

---

³¹ Например, министра иностранных дел, а в будущем и регента И Синя; посланника, выполнявшего дипломатические миссии в европейских странах, Хун Хоу; посланника при российском, английском и французском дворах Ю Юна; генерал-губернатора, а позже великого канцлера империи Ли Хунчжана.

³² Авторы включили в свою работу хромофотографии с изображением известных лиц китайской истории, выполненные по оригинальным китайским картинам на шелковой бумаге, с пояснительными листами.

³³ Китай и китайцы // Мир Божий. 1901. № 5. С. 112–114.

На полках книжных магазинов можно было увидеть не только сочинения российских востоковедов (В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и др.), изданных несколькими десятилетиями ранее, но и новые поступления³⁴. Наряду с литературой, пропагандирующей мощь Западного мира, можно встретить труды сугубо научного характера. К примеру, не подвержены идеологическому влиянию работы Н. В. Кюнера по картографии Дальнего Востока³⁵ и очерк о Китае, включенный В. Сиверсом в сборник «Всемирная география. Азия»³⁶. Последний наполнен беспристрастными характеристиками как географических, биологических параметров, так и социально-экономических условий быта китайцев. Перелистывая страницы издания, читатели могли почерпнуть много интересного из жизни местных народов. Для обывателя могли оказаться небезынтересными этнографические описания (элементы костюма, интерьер домов, обряды). Специалисты не оставляли без внимания «Хозяйственную карту Китая» в приложении указанного выше издания, позволяющую увидеть особенности экономического развития отдельных районов и внутригосударственные торговые связи.

Историческое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете занималось не только исследованием научных вопросов русской и всеобщей истории, разработкой принципов исторической науки, но и популяризацией резуль-

---

³⁴ К примеру: *Васильев В. П.* Буддизм и его принципы. СПб., 1891; *Георгиевский С. М.* Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892; *Коростовец И.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898; *Глаголев С. С.* Религии Китая. М., 1901; *Мюллер М.* Религии Китая. СПб., 1901; *Котляр Д. И.* Срединное царство. СПб., 1903; *Столповская А.* Выдающиеся стороны национальной жизни и национального характера китайцев. М., 1903; *Щербатский Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. СПб., 1903–1909.

³⁵ Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Картография Дальнего Востока. «К истории географической карты Китая» [1899–1915]. Л. 1–12.

³⁶ *Сиверс В.* Всемирная география. Азия / Под ред. А. Н. Краснов. СПб.: типография акционерного общества «Самообразование», 1896. 452 с.

татов своей теоретической работы. С этой целью для научных сообщений устраивались публичные собрания. В «Историческом обозрении», издаваемом членами общества, писали о России и Европе, Восток же представлен не был. Впрочем, единственная статья Н. И. Веселовского о научном творчестве С. М. Георгиевского весьма любопытна. Автор призывал читателя обратить внимание на непростой путь развития отечественного китаеведения. Пропагандой необходимости глубокого изучения Китая, выделением явлений, обуславливающих многовековую жизнеспособность его устоев, ознакомлением публики с религиозными верованиями, философскими системами и строем жизни китайцев были отмечены все труды выдающегося ученого. И. И. Толстой, Н. М. Пржевальский и другие упрекали С. М. Георгиевского в излишнем увлечении Китаем, отмечая, что «книжная мораль и отражение ее в жизни не одно и то же»³⁷. Не умаляя заслуг своих соотечественников и западных коллег, которые, несмотря на свою тенденциозность, много сделали для изучения Поднебесной, китаевед горячо отстаивал свою позицию на страницах «Вестника Европы», «Нового времени»³⁸ и иных изданий.

Подводя итог, следует отметить, что краткий обзор содержания вышедших в свет в Российской империи отдельных печатных изданий XIX — начала XX в., содержащих информацию о Китае, не передает масштаба научной и публицистической деятельности ученых, общественных деятелей, педагогов, литераторов, но позволяет выявить тенденции в подборе и изложении фактов, оценке исторических событий. Между тем, издававшиеся в России журналы и книги, которые использовались, в том числе и в образовательных учреждениях, внесли существенный вклад в распространение знаний о Китае и формирование в сознании соотечественников образа этого государства.

³⁷ *Веселовский Н. И. С. М. Георгиевский // Историческое обозрение. Т. 7.*

³⁸ «Вестник Европы» (август 1887, декабрь 1888), «Новое время» (14 октября, № 4176, 1887; 19 октября, № 4176, 1887).

Yu. G. Blagoder

The Role of Russian Printed Publications in the Dissemination of Knowledge about China (the 19th — early 20th Centuries)

Summary. The article presents fragments of the history of the study of China in the Russian Empire in the 19th — early 20th cc. The author names the first educational institutions and scientific and educational organizations that played a significant role in the development of methods for teaching the Chinese language, disseminating knowledge about the history and culture of the peoples living in the Qing Empire. The article summarizes practical experience of the scientific work of teachers, students from the Oriental Institute in Vladivostok, their activities in collecting and systematizing various characteristics of life in China regions, which influenced the development of Russian-Chinese socio-economic relations. The outstanding contribution of Russian scholars to the development of sinology, promotion of modern scientific achievements of Russian Oriental studies is noted. Particular attention is paid to the scientific and educational activities of N. Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev, S.M. Georgievskij, N. V. Kiuner. Much attention is paid to the analysis of the Russian scientific literature (domestic and translated: from European languages) published in the 19th — early 20th cc., domestic printed periodicals, which contained information about China. Various trends of socio-political thought are highlighted: their representatives gave diametrically opposite characteristics to the central problems of social development in Oriental countries, and that formed two fundamentally different images of China in the public consciousness. Much attention is paid to the characteristics of Russian journalism, which reflected the ideas of Russian historical science, religious and philosophical thought about the principles of development of Western and Eastern civilization, the place of Russia in the world community. An assessment is given to the factors that influenced the formation and transformation of the image of China in the consciousness of Russian pre-revolutionary society.